

диция – вне времени. Она противоречит самой сущности изменения. Обратимость и повторяемость – вот основные характеристики традиции. Ее участнику, как хорошему актеру, известен весь текущий и будущий процесс, что формирует определенную уверенность и стабильность, которая, в свою очередь, позволяет просуществовать традициям бесконечное количество времени.

Время здесь в данной культурной парадигме понимается мифологически, т.е. циклично. Данный тезис хорошо подтверждается изображением времени в Древнем Египте, где оно предстает в виде так называемого Уробороса, змеи держащей себя за хвост, что символизирует цикличность, обратимость, а возможно и мудрость времени. Такого же рода традиции в изображении времени мы можем наблюдать в Скандинавии, Древней Греции, Древнем Китае и т.п.

Неудивительно, что Августин Блаженный также не может ответить на вопрос о сущности времени и ищет его там, где протекает вся реальная жизнь христианина, т.е. у себя в душе. Однако, в его времени также нет динамики. Августин выделяет только настоящее. Прошлое настоящее, настоящее и настоящее будущее, т.к. для данной парадигмы категории времени, как определенных материальных изменений просто нет. Идеи прогресса и развития предстают в культуре лишь в эпоху капиталистических отношений и механицизма И. Ньютона. Именно капитализм и индустриализм нуждаются в определении и понимании времени, что собственно и содержат категории развития и прогресса. Для индустриального мира, включающего рыночную экономику, накопление материальных ценностей и т.д., понимание времени является основополагающим, т.к. этот самый мир требует определенного измерения. Причем желателен научного, объективного, т.е. числового. Таким образом, на наш взгляд, неудивительно, что именно часы являются символом индустриального мира, как мира перемен.

Таким образом, традиционная культура, на наш взгляд, в вопросе философского осмысления наиболее полно понимается через категорию времени, особое отношение к которому, а именно его культурное отрицание и формирует саму традицию. Необходимость в определенном измерении происходящих событий, как и сама попытка любого движения, приводит к смене доминирующей традиционной культуры на культуру индустриальную.

Лазловская Е.Н.,
ННУ «БелГУ», г. Белгород

ЗНАЧЕНИЕ СМЕРТИ КАК ДУХОВНО-МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНИИ

Самурайская идеология, несмотря на то, что касалась исключительно воинского сословия, оказала влияние на все японское общество в целом. Накануне Второй мировой войны, когда страна была охвачена милитаристскими настроениями, возвращение к традициям Бусидо было естественным путем.

Ключевые слова: духовно-моральные ценности, кодекс Бусидо, синтоизм, дзен-буддизм, сеппуку

Samurai ideology, despite the fact that concerned only the military class, had an impact on all of Japanese society as a whole. On the eve of World War II, when the country was swept by militaristic sentiment, a return to the tradition of Bushido was a natural way.

Key words: Code of Bushido, Shinto, Zen Buddhism, seppuku

«Я постиг, что путь самурая это смерть» – такими словами начинается произведение Ямамото Цунэтомо «Хагакуре¹⁸⁰. Сокрытое в листе», ставшее популярным в довоенное время в Японии.

¹⁸⁰ Ямамото Цунэтомо. Кодекс Бусидо. Сокрытое в листе / Цунэтомо Ямамото. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 9.

Идеология японских рыцарей формировалась на отличной от европейской почве. Европейское рыцарство формировалось на христианских представлениях о человечности и гуманизме, основой для самураев стал дзен-буддизм, который проник в Японию около VII в.⁴⁸¹ Господствующей религией был синтоизм, который утверждал о божественном происхождении японцев и по своей сути был совокупностью родоплеменных культов. Он был религией аристократов, которые быстро теряли власть и на фоне военных угроз (вторжение монгольского хана Хубилая, многочисленные междоусобные войны) не могли управлять страной – ею управляли самураи. Им требовалась новая религия, способная стать идеологией. В этом плане дзен-буддизм отвечал требованиям – суровое обучение, трудные условия жизни (походная жизнь и война не способствовали комфорту), мужество и спокойствие перед лицом смерти – монахам нередко приходилось браться за оружие и отстаивать свое мнение (что было описано на примере восстания монахов Святой горы в «Повести о доме Тайра»⁴⁸²). Кульминацией этого пути стала смерть. В ситуации выбора без колебания выбирай смерть, гласит кодекс Бусидо, потому что выбор жизни – это признак малодушия, что являлось постыдным и недостойным. Если человек каждый день готов к смерти, то сможет стать идеальным слугой и выполнять свой долг перед хозяином – а хозяин имелся у каждого самурая, от простого охранителя до князя.

Ставя целью смерть, самурай должен был отличаться безличностным мышлением, безграничной преданностью своему хозяину, уважением и мудростью, решительностью, исполнительностью и прилежностью в делах. Это касалось не только самураев, но и их семей. В духе Бусидо воспитывались и мальчики, и девочки. Женщинам также предписывалось следовать принципам кодекса. Иллюстрацией этого является то, что жена и дочери должны были заниматься проституцией, если это требовалось, чтобы погасить долги самурая. Смерть уравнивала людей, что ценилось в японском обществе, где коллектив ставился и ставится превыше личности и индивидуальности. Героическая смерть приносила славу и долгую память среди людей, что также ценилось среди самураев на деле – на это был расчет, когда накануне войны велась пропаганда синтоизма и Бусидо, а также была введена тактика специальных ударных отрядов тейсинтай.

Еще одним проявлением отношения японцев к смерти служит сепуку – ритуал вспарывания живота. Его надлежало исполнить по приговору суда с целью сохранения достоинства и чести, или же самурай сам предпочитал самоубийство, согласно принципу выбора смерти в ситуации или-или⁴⁸³. Если во втором случае воин мог просто броситься грудью на свой меч, то в спокойной обстановке ритуал был достаточно сложен, как и чайная церемония.

Немало важным является то, что в Японии смерть рассматривалась не просто как ступень к святости, а как избавление от скверны – тела и становление святым или божеством⁴⁸⁴. Если сравнивать с европейскими воззрениями – «мирское-священное», в японских представлениях эта система складывалась из трех частей «мирское-священное-скверна».

Таким образом, смерть представлялась не просто как источник сакрального, а как смысл жизни и деятельности самурая, чья идеология была воскрешена и активно пропагандировалась в японском обществе с начала XX века и до самой капитуляции Японии.

⁴⁸¹ Нукария К. Религия самураев. Исследование дзен-буддийской философии и практики в Китае и Японии / К. Нукария – М.: Наука, 2003. – С. 23.

⁴⁸² «Повесть о доме Тайра» пер. И. Львовой. – URL: http://libok.net/writer/6810/kniga/21410/yukinaga_monah/povest_o_dome_taira read (Дата обращения: 05.11.2016).

⁴⁸³ Ямамото Цунэтомо Кодекс Бусидо. Скрытое в листе / Цунэтомо Ямамото. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 9.

⁴⁸⁴ Бакишев Е. Японская книга мертвых / Е. Бакишев. – URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1469&page=1> (Дата обращения: 08.11.2016)